

Trip

John Vaillant

THE TIGER

A TRUE STORY
OF VENGEANCE
AND SURVIVAL

Джон Вэйллант

ИСТОРИЯ
МЕСТИ
И СПАСЕНИЯ

*Перевод с английского
Яны Рапиной*

издательство **аст**

Москва

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)
В14

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Вэйллант, Джон
В14 Тигр. История мести и спасения / Джон Вэйллант; пер. с англ. Я. Рапиной. —
Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 448 с.

ISBN 978-5-17-078601-5

1997 год. В забытой богом глуши, на окраине дальневосточного поселка Соболиный, объявился кровожадный убийца, какой не снился авторам криминальных триллеров. Его жертвы обречены — даже самый отважный охотник бессилен против разъяренного тигра. Команда инспекторов призвана найти его и ликвидировать. Но недаром местные жители почтительно называют тигра царем тайги. Раненый и одинокий, он остается грозным противником: ни численное превосходство, ни хорошее вооружение не гарантируют людям победы в этой войне...

“Северные джунгли” Приморского края — последнее прибежище вымирающей популяции амурского тигра. Канадский журналист Джон Вэйллант, посвятивший жизнь проблемам защиты диких животных, проводит двойное расследование: леденящая кровь погоня за людоедом разворачивается на фоне истории взаимоотношений человека и хищника, с которым у нас поразительно много общего. Сегодня звучат финальные аккорды этой древней симфонии: что впереди, месть или спасение? Наградила ли нас эволюция той мудростью, что позволит уберечь от гибели соперника, а в долгосрочной перспективе — и самих себя?

УДК 821.111(71)
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-17-078601-5

© 2010 by John Vaillant
© Я. Рапина, перевод на русский язык, 2012
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
© ООО “Издательство АСТ”, 2013
Издательство CORPUS ®

Оглавление

Вступление	11
Часть первая	
МАРКОВ	13
Часть вторая	
ПОЧЕПНЯ	271
Часть третья	
ТРУШ	317
Эпилог	406
Благодарности	423
Примечания	428
Выборочная библиография	437

*Памяти Джоанны Сеттл
и Эллиса Сеттла*

В тайге один бог свидетель.

В. К. АРСЕНЬЕВ

По Уссурийскому краю

Взять те сокровища сумел бы смерт-
ный лишь ценой непомерной.

Беовульф

Вступление

Среди деревьев, словно запутавшись в ветвях, висит серп луны.

В тусклом свете тени на снегу расползаются, но лес вокруг кажется еще темнее, и человек продвигается по нему практически на ощупь. Он шагает в полном одиночестве, если не считать пса, убежавшего вперед в надежде поскорее добраться домой. В нависшую над кустарником и буреломом тьму возносятся черные стволы дубов, сосен и тополей, и в вышине их ветви сплетаются в причудливый узор.

Ярче снега белеют стройные березы, словно источая собственный свет, но он подобен меху зверя зимой: на ощупь холодный, греет только его самого. Тишина царит в этом уснувшем, замерзшем мире. Мороз такой, что плевков замерзает, не успев долететь до земли, а дерево стало хрупким, как солома, и кора его, неспособная сдерживать распухший заledenевший сок, внезапно лопаются с оглушительным треском. Человек и пес идут, оставляя за собой теплый шлейф, и их дыхание бледными клочьями повисает

над тропой. Их запах остается рядом с ними в темноте и безветрии, но поступь разносится далеко, и каждый шаг выдает их в ночном лесу.

Несмотря на колючий мороз, человек обут в резиновые сапоги, которые скорее уместны в дождливую погоду. Одет он тоже на удивление легко, особенно учитывая тот факт, что весь день он провел, рыская по лесу. Ружье тяжело давит на плечо, словно увеличившись в весе, так же, как рюкзак и патронташ. Но он знает эту тропу как свои пять пальцев, до его хижины уже рукой подать. Теперь он наконец может позволить себе расслабиться. Возможно, он представляет себе, как зажжет свет и разведет огонь, как снимет тяжести с плеч. Вода в чайнике наверняка замерзла, но печка быстро разгорится, яростно сопротивляясь холоду и мгле, как сейчас сопротивляется им его собственное тело. Уже скоро его ждут горячий чай и сигарета, а потом рис, мясо и снова сигареты. Рюмка-другая водки, если еще осталось. Он чтит этот ритуал, он знает его наизусть. Впереди уже проступают знакомые очертания, когда неожиданно пес с ворчанием замирает на месте, натолкнувшись на чужой запах, словно на стену. Они давние соратники по охоте, и человек понимает: возле хижины кто-то есть. Шерсть на загривке собаки встает дыбом, а у человека по спине пробегает холодок.

В темноте раздается рычание, и им обоим кажется, что оно доносится сразу со всех сторон.

Часть первая

МАРКОВ

Глава 1

Многие не верят, что это произошло на самом деле. Считают плодом моего воображения. Но это правда. Подтвержденная фактами.

Ю. А. Труш

Вечером 5 декабря 1997 года, когда уже стемнело, в квартире Юрия Анатольевича Труша в Лучегорске, небольшом шахтерском городке Приморского края на Дальнем Востоке, неподалеку от китайской границы, раздался звонок. Приморье знаменито многим, но, кроме всего прочего, оно является последним на земле местом обитания амурского тигра. Человек на другом конце провода сообщил печальное известие: в сотне километров к северо-востоку от Лучегорска, в глухом лесу неподалеку от поселка Соболиный, тигр напал на человека. Юрий Труш возглавлял одно из шести действовавших в регионе подразделений инспекции “Тигр”, в задачи которой входило расследование правонарушений в лесу — особенно если дело касалось тигров. А поскольку зачастую речь шла о браконьерской

охоте на них, без нападений не обходилось. Таким образом, сложившаяся ситуация, каковы бы ни были подробности, находилась непосредственно в сфере ответственности Юрия Труша, и поэтому он безотлагательно начал собираться в Соболиный.

Ранним субботним утром Юрий Труш вместе со своими коллегами Александром Горборуковым и Сашей Лазуренко загрузился в армейский грузовик и двинулся на север. В теплой одежде и камуфляже, вооруженные ножами, пистолетами и карабинами, Тигры, как называют иногда сотрудников этой службы, скорее напоминали отряд спецназа, чем охотинспекторов. Ехали они на обшарпанном за двадцать лет армейском “урале” — четырехтонном аналоге немецкого “унимога” или американского “хамви”. Полноприводный бензиновый грузовик на широких колесах около метра диаметром, оборудованный лебедкой, является излюбленным средством передвижения в отдаленных районах Приморского края. Помимо стоек для винтовок и креплений под дополнительные канистры с топливом он был оснащен переносными койками и набит провиантом с таким расчетом, чтобы четыре человека могли прожить неделю. Кроме того, внутри соорудили деревянную печь, чтобы в случае полного отказа техники отряд мог выжить, в какой бы глуши он ни оказался.

Миновав КПП на выезде из города, Тигры съехали на грунтовку, ведущую на восток, вдоль русла Бикина — крупной извилистой реки, протекающей по наиболее отдаленным уголкам северного Приморья. Из-за мороза и глубокого снега продвижение грузовика было сильно

затруднено, и члены экспедиции, бывалые охотники, отслужившие в армии, коротали время, гадая, что ждет их в конце пути. Однако никакой предыдущий опыт не мог подготовить к тому, что им суждено было обнаружить.

Приморский край по размерам сопоставим со штатом Вашингтон. Омываемый Японским морем с юго-востока России, он отличается богатством лесов и гор, сочетая в себе глушь Аппалачей и суровость Юкона. Хлеб здесь добывается нелегким путем: лесозаготовка, добыча ископаемых, рыболовство, охота. И без того тяжелое положение усугубляется низкими зарплатами, коррумпированностью чиновников, процветающим черным рынком — и присутствием одного из самых крупных в мире представителей кошачьих.

Одним из многих негативных последствий перестройки и открытия границы между Россией и Китаем стал стремительный рост браконьерской охоты на тигров. По мере развала экономики и увеличения безработицы в девяностых годах на добычу всевозможного рода лесных богатств кинулись все: профессиональные браконьеры, предприниматели и простой люд. Тиграм, в силу их редкости и исключительной ценности, пришлось особенно трудно: их органы, кровь и кости широко используются в традиционной китайской медицине. Считается, что ус тигра бережет от пули, а толченая кость слывет хорошим обезболивающим. Другое поверье утверждает, что тигринный пенис добавляет мужской силы, и очень многие — от Токио до Москвы — готовы платить тысячи долларов за тигриную шкуру.

В период с 1992 по 1994 год было уничтожено около сотни тигров — это примерно четверть их популяции в регионе. Большая часть добычи отправилась в Китай. При финансовой поддержке (и под давлением) международных природоохранных организаций местное правительство основало инспекцию “Тигр” в надежде вернуть хотя бы подобие закона и порядка в леса Приморского края.

Вооруженные огнестрельным оружием и фотокамерами, наделенные широкими полномочиями, отряды инспекторов были призваны препятствовать браконьерству и способствовать снижению неуклонно растущего числа столкновений тигра с человеком.

По большому счету, работа инспекции “Тигр” очень напоминает работу отдела по борьбе с наркотиками. Степень риска вполне сопоставима: в обоих случаях на кону большие деньги, и играют на этом поле люди отчаянные и опасные.

Что общего у тигра и наркотика? И те и другие продаются на вес, а стоимость определяется чистотой продукта и репутацией продавца. Но есть и существенные различия: вес тигра может намного превышать двести килограммов; на протяжении двух миллионов лет тигры охотятся на крупную дичь — в том числе на человека. И они злопамятны.

В силу этих особенностей тигр несет угрозу как человеку, стоящему на его защите, так и тому, кто рассматривает его исключительно как источник наживы.

В середине девяностых отряд инспекции “Тигр” под руководством Юрия Труша работал в долине реки Бикин. Зимой по льду на Бикине можно спокойно передвигаться на тяжелом грузовике, но летом река пускается в неторопливый бег. Большинство безработных обитателей ее бере-

гов чтят лесной закон куда выше запретов правительства. И хотя преимущественно народ вынужден браконьерствовать, чтобы хоть как-то свести концы с концами, встречаются и охотники за большими деньгами.

К 1997-му инспекция “Тигр” существовала всего лишь три года. С учетом состояния российской экономики в девяностые ее сотрудникам выпал счастливый билет: они были трудоустроены и получали долларовую зарплату от иностранных природоохранных организаций. Четыреста долларов в месяц — в те годы о таком можно было только мечтать. Но и от инспекторов требовалось многое взамен. Обыденная проверка охотничьих удостоверений во время планового обхода территории, обыск подозрительного автомобиля, направляющегося в сторону китайской границы, или внедрение в браконьерскую среду — всякий раз Тиграм приходилось иметь дело с вооруженными людьми. И чаще всего эти встречи происходили в лесной глуши, где подкрепления ждать просто неоткуда, а столкнуться можно с чем угодно.

После перестройки в России было выставлено на продажу буквально всё. С военных складов Приморского края пропало огромное количество боеприпасов. Во время своих рейдов по разбросанным в лесу многочисленным охотничьим хижинам Труш и его напарники изымали пластит, ТНТ, автоматы 50-го калибра, украденные с военных броневики. Труш недоумевал: зачем в лесу оружие такого размера? С взрывчаткой все было понятно: с ее помощью в водоемах глушили рыбу в промышленных масштабах либо выгоняли медведей из берлог. На азиатских рын-

ках особым спросом пользуются не целиковая медвежья шкура или скелет, а лапы и желчный пузырь. Лапы пускают на суп, а пузырь используется в медицинских целях. В середине девяностых в Приморье и человеку, и зверю жилось одинаково трудно, коррупция процветала на всех этажах власти. В те годы Труш не раз устраивал облавы, в ходе которых попадались с поличным и высокопоставленные милицейские чины, и члены советов, а наживать себе подобных врагов всегда опасно. Впрочем, Труш отлично годился для своей работы — не каждый решился бы связаться с таким противником.

Ростом под 190, длинноногий, широкогрудый атлет с карими глазами, удивительным образом напоминающими полудрагоценный камень “тигровый глаз” — радужка окружена черной полоской. Взгляд из-под низких густых бровей, но лицо открытое и дружелюбное. Зычный голос. В детстве Труш был слабым и болезненным ребенком, но к юности превратился в настоящего богатыря с командирской внешностью и способностью сохранять спокойствие в стрессовых обстоятельствах. Он исключительно силен. За время службы в армии в семидесятых Труш не раз становился победителем различных соревнований по гребле, заслужив тем самым титул мастера спорта и право выступать на международном уровне. Это было серьезное достижение: он не просто соревновался с болгарами или немцами из ГДР; по его же словам, он защищал честь Советской армии. Когда уже на пятом десятке Труш начал работать в инспекции “Тигр”, он трижды подряд выигрывал районные соревнования по тяжелой атлетике. Не той тяжелой атлетике, что мы привыкли видеть в программе Олимпийских игр, — то, что делал Труш, скорее напоминало забавы скупающих ар-

тиллеристов времен Наполеоновских войн. Состязание заключалось в том, чтобы гирю — крупное ядро с ручкой для захвата — поднять от земли над головой как можно больше раз, сначала одной рукой, потом другой. Гиревой спорт — русское изобретение, им увлекаются не одну сотню лет, и преуспевают в нем преимущественно невысокие коренастые спортсмены. Поэтому было особенно удивительно смотреть на человека с телосложением Труша, вопреки закону притяжения непринужденно жонглирующего тридцатикилограммовыми снарядами.

Стрелять Труш сначала учился у отца, а потом в армии. Кроме того, занимался карате, айкидо и ножевым боем. В этих видах спорта его крупное телосложение было как нельзя более кстати — длинные руки Труша нечасто позволяли противнику нанести удар. В рукопашном бою он достиг таких успехов, что его пригласили тренировать сотрудников милиции. Исключительные физические качества Труша невозможно скрыть. Делает ли он захват, бросок, наносит ли удар — его руки, совершающие и контролирующие каждое движение, превращаются в мощное оружие. Кулаком он, словно молотом, может раскрошить кирпич. Когда он демонстрирует фиксирующий захват противника или проводит воображаемый удар, у зрителя создается ощущение, что все его тело жаждет возможности применить свое умение в деле. Рассказывая о ступившем на скользкий путь бывшем сослуживце, которого он в течение долгого времени пытался поймать с поличным, Труш заметил: “Он отлично знает, что я способен раздавить его голыми руками”. Это напряженное внутреннее единство — добродушного шутника-соседа, друга и отца семейства с диким альфа-самцом в погонах, готовым

в мгновение ока ринуться в атаку, — бросается в глаза при каждой встрече с ним. В описываемых событиях Трушу довелось проявить себя по-настоящему.

Чем дальше Труш и его команда углублялись в лес, тем хуже становилась дорога. Миновав Верхний перевал, они заехали в занесенный снегом поселок Ясеновый — лесозаготовку, как две капли воды похожую на Соболиный. Там к ним присоединился местный заместитель участкового по фамилии Буш. Его участие в экспедиции было лишено практического смысла и скорее являлось данью формальности. В принципе, милиция не занимается вопросами, связанными с тиграми, но был обнаружен труп и Буш должен был зафиксировать факт смерти. Взяв Буша на борт, путешественники продолжили свое продвижение к верховьям реки.

В Соболиный они прибыли уже пополудни. На первый взгляд деревня с ее некрашеными бревенчатыми домишками производила впечатление обнищавшей и нежилкой. Сидевший за рулем Горборуков свернул с шоссе в лес, на однополосную проселочную дорогу. Снег выпал совсем недавно, и Труш внимательно смотрел, не покажутся ли на дороге свежие следы. Они находились примерно в восьмидесяти километрах от ближайшей асфальтированной дороги и в паре-тройке тяжело давшихся им километров к востоку от Соболиного, когда грузовик пересек неведь откуда взявшуюся широкую гравийку. Эту дорогу начали строить еще в советскую эпоху как альтернативу единственному пути, пересекающему Приморский край с севера на юг и проложенному вдоль реки Усури

до Хабаровска (там же проходит Транссибирская магистраль). Несмотря на активное использование Уссурийской дороги различными видами автотранспорта, в том числе и для международных грузовых перевозок, она довольно узкая, обслуживается плохо и нерегулярно, а в довершение всего ее сочли потенциальной брешью в случае войны с Китаем. Строительство новой дороги, безопасной, широкой и прямой, как струна, так и не было завершено, и, по сути, сейчас это просто шоссе в никуда.

Впрочем, ею пользуются лесозаготовители, браконьеры и контрабандисты — те немногие люди в Приморье, кто может позволить себе иметь машину. Время от времени на дорогу выходят и тигры. В зимнем лесу каждая тропинка — чья-то нечаянная любезность. Проложить путь по снегу, особенно если он глубокий и покрыт настом, очень непросто, и поэтому тот, кто идет первым, будь то зверь, человек или машина, оказывает большую услугу всем, кто последует за ним. Зимой подкрепиться удается не всегда, и каждый зверь старается беречь силы, так что от подобных подарков отказываются редко. Покуда тропа, лесовозная дорога, шоссе или замерзшая река более или менее следуют в желаемом направлении, лесные жители пользуются этим путем, кто бы его ни проложил. В каком-то смысле живые существа становятся заложниками проторенного пути, поскольку он может сулить им неожиданные встречи.

Последние пять километров путешественники проделали по лесовозной дороге, такой извилистой и неровной, что даже умудренный опытом езды по российской глубинке водитель не удержался и шутливо воскликнул, нарочито грассируя: “Париж-Дакар! Кэamel-трофи!” Они

двигались на восток, продираясь через бурелом, пересекая речушки по мосткам, настеленным на поставленные на попа деревянные чурбаны. В трех километрах от частной лесозаготовки Горборуков повернул на север. Через несколько минут он остановил грузовик в пролеске, на противоположном конце которого виднелась хижина.

Хижина принадлежала Владимиру Маркову, жителю поселка Соболиный, известному главным образом своим пристрастием к пчеловодству. Скособоченный домик стоял в отдалении на пологом склоне, густо окруженном березами, соснами и ольхой. В этом уголке леса веяло одиночеством, но место было живописное, и при других обстоятельствах Труш оценил бы его красоту. Однако сейчас ему было не до того. Пробыло три часа дня, и солнце уже коснулось верхушек деревьев, склоняясь на юго-запад. Тепло, накопленное за этот быстротечный солнечный день, стремительно угасало.

Первым признаком случившейся трагедии стало воронье. Черная ворона следует за тигром, как чайка за рыболовецкой шхуной: делая ставку на победителя, она не тратит силы на поиск пропитания, предпочитая время от времени перехватить еды с чужого стола. Выбравшись из грузовика, путешественники сразу услышали пронзительное воронье карканье. Труш обратил внимание, что черная стая мельтешит и мечется над лесом к западу от тропы, ведущей в пролесок, и даже если бы его не предупредили о случившемся заранее, происходящее говорило само за себя: кто-то крупный умер или умирает, и вороны караулят труп.

Напротив хижины Маркова стоял грузовик его лучшего друга и партнера по пчеловодству Данилы Зайцева, спокойного и трудолюбивого человека сорока с неболь-

шим лет. Зайцев хорошо разбирался в машинах, и его грузовик, очередной списанный экземпляр военной техники, был одной из немногих машин в Соболином, все еще остававшихся на ходу. Вместе с Зайцевым приехали Саша Дворник и Андрей Онофрейчук — мужчины лет тридцати, нередко охотившиеся или рыбачившие с Марковым. По их осунувшимся лицам было видно, что предыдущую ночь они провели практически без сна.

Судя по плотности следов, вокруг хижины произошло много событий. Переплетенные друг с другом так, что поначалу в них трудно было разобраться, здесь имелись следы разных представителей животного мира. Труш приблизился к этому запутанному клубку информации, как детектив: где-то здесь были начало и конец, а где-то был и мотив — или несколько. На склоне возле хижины, ближе к тропе, его взгляд уцепился за два следа. Один шел по тропе с севера, другой тянулся с юга от хижины. Они вели навстречу друг другу, словно между ними так было условлено. Южный след стоило отметить особо: он принадлежал тигру, причем между каждым набором отпечатков был большой промежуток, три метра или более. Там, где следы встретились, северный пропал, словно человек, оставивший его, внезапно исчез. В этом месте следы больших лап поворачивали на запад, пересекая тропу под прямым углом. Промежутки между следами были равномерными, указывая на то, что зверь шел спокойно, направляясь вглубь леса — прямо туда, где кружилось воронье.

Труш захватил с собой видеокамеру, и сейчас ее неморгающий зрачок записывал каждую мучительную деталь места происшествия. Оглядываясь назад, поражаешься тому, какой уверенной рукой Труш ведет съемку, каким

спокойным голосом комментирует увиденное: старую хижину и поросший кустарником пролесок, в котором она стоит, путь хищника и место нападения, а затем длинную череду страшных улик. Камера плавно движется, обозревая утоптаный розовый снег, заднюю лапу собаки, одинокую рукавицу, окровавленный обшлаг куртки, а затем переносится на добрую сотню метров вглубь леса, к темной прогалине. В этом месте на записи слышно, как человек с трудом сдерживает внезапный рвотный позыв. Он словно вошел в логово дьявола.

Несмотря на тридцатиградусный мороз, снег здесь полностью растаял. Посреди чернеющего круга, точно жертва на алтаре, лежат обглоданные кисть и голова. Неподалеку длинная кость, предположительно бедро, тоже обглоданная добела. Затем след уходит дальше в лес. Щурясь в видоискатель, Труш идет по этому следу, за ним его коллеги и приятели Маркова. Тишину нарушает только скрип сапог Труша да отдаленный лай его собаки. Семеро мужчин находятся в оцепенении. Ни всхлипа, ни бранного слова.

Охотничья собака Труша, маленькая лайка, убежала вперед и истошно лает. Ее нос подрагивает, чую кровь и тигра, и из всех присутствующих только она позволяет себе выпустить наружу самый потаенный страх: тигр здесь, он где-то рядом. Коллеги Труша держат ружья на изготовку, прикрывая его, пока он ведет съемку. Так они выходят на следующую растаявшую прогалину, на сей раз овальной формы. Здесь, на опавших листьях и поломанном кустарнике, покоится все, что осталось от Владимира Ильича Маркова. На первый взгляд это кажется кучей ветоши, но потом удастся разглядеть сапоги, торчащую сломанную кость, изорванную рубаху, в одном из рукавов которой осталась рука.